

БРУТАЛЬНЫЙ ШАРМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Рене Ньюберг

Рене Ньюберг долгое время работал в России: в 1970-е годы – в качестве атташе посольства Финляндии в Москве и вице-консула Генерального консульства в Ленинграде, а в 2000-2004 годах – в должности чрезвычайного и полномочного посла. Затем был послом Финляндии в Германии. В настоящее время в отставке, является генеральным директором «Восточного офиса финской промышленности». Компетентный дипломат и обаятельный человек, он прекрасно говорит по-русски и столь же хорошо разбирается в российских реалиях. В своих мемуарах он описывает события 70-х годов, поднимая проблему советского «инакомыслия» того времени и отношения к этому феномену финских дипломатов, вспоминает о своем общении с Эрнстом Неизвестным.

«Оно просто пришло»

Урхо Калева Кекконен (УКК) сделал пометку на полях отправленного 29 июля 1975 года посольством в Москве сопроводительного письма: «5.8.–75. Нет повода для принятия мер с нашей стороны. Ответа не требуется, поскольку письмо доставлено в посольство 25.07.1975 через посредников во внерабочее время». На нижнем поле письма он оставил приписку: «Почему представитель посольства принял доставленное “через посредников” пропагандистское письмо?»¹. Исполняющий обязанности руководителя политического департамента Министерства иностранных дел Клаус Тёрнудд 15 августа сделал посольству в Москве надлежащий выговор.

Я узнал об этом от своего начальника Арто Мансалы, который в то время был главой политического отдела посольства. Речь шла о письме скульптора Эрнста Неизвестного, в котором содержалась просьба к президенту Финляндии помочь в получении разрешения на эмиграцию. Когда был задан вопрос, кто принял письмо, Арто ответил: оно «просто пришло». У меня застрял ком в горле, так как я чувствовал, что это может плохо кончиться. Посол Яакко Халлама был тогда в отпуске, и письмо Неизвестного отправил в Хельсинки временный поверенный в делах Юрки Аймонен, приложив к нему записку о советском скульпторе, подготовленную атташе Ньюбергом. Много позже, зимой 2011 года, Арто показал мне датированное 25 сентября 1975 года письмо Халламы заместителю статс-секретаря Юрьё Вянянену. Тема письма была обозначена как «дело Рене Ньюберга». В приложении содержалась оценка послом молодого чиновника: «Парень далеко не глуп и у него много положительных черт. Однако он просто невыносимо недисциплинирован, и далеко не всегда следует моим советам. Он может выкинуть фокус подобно тому, как это было с передачей Президенту письма Неизвестного. К счастью для Ньюберга, это произошло

во время празднования 75-летнего юбилея Президента, так что глава Республики не успел уделить письму то внимание, какое оно наверняка заслужило бы у него в иной ситуации».

Отказник

Вот так меня чуть было не вернули на Родину. Моя ошибка заключалась в том, что я дал ход этому письму. Хорошо помню все свои сомнения. Однако я сделал это потому, что дал слово Эрнсту Неизвестному. По неопытности своей я не понимал тогда, что, поскольку дело происходило за неделю до открытия в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Неизвестный, находясь в угнетенном состоянии, вполне мог передать письмо и в зарубежные СМИ. В глазах УКК это мгновенно превратило бы документ из личного письма в «пропагандистское» послание.

Эрнст Неизвестный был тогда «отказником» -- так называли людей, получивших отказ на заявление об эмиграции, -- однако находился в зените славы. Годом ранее, в 1974-м, изготовленное им знаменитое надгробие на могиле Никиты Хрущева было после долгих перипетий установлено на Новодевичьем кладбище. В том же году из СССР выслали Александра Солженицына, а его друг Мстислав Ростропович получил разрешение уехать из страны, сохранив советский паспорт, которого, правда, его позднее все равно лишили.

В своих мемуарах Неизвестный рассказывает, как Сергей Хрущев и его друг Сергей Микоян пришли на следующий день после смерти Хрущева просить Неизвестного сделать надгробие. По словам сына покойного лидера, таким было желание его отца. Неизвестному такая же мысль пришла в тот самый момент, когда он услышал о смерти Хрущева. Скульптор ярко описывает эти и последующие события. После своей отставки в 1964 году Хрущев был в опале, и московским городским властям не хватало смелости сделать необходимое согласование. В конце концов, дело сдвинулось только благодаря письму вдовы Хрущева Нины Петровны премьер-министру Алексею Косыгину. Памятник открыли в третью годовщину смерти Хрущева. На церемонии присутствовали только родные, скульптор и иностранные корреспонденты. Событие отметили дома у Хрущева-младшего, открыв подаренную Никите Сергеевичу Шарлем де Голлем бутылку старого коньяка².

Нонконформисты

Москва стала для меня первым местом службы, и мы с Кайсой, моей женой, погрузились в привычное для других дипломатов и журналистов творческое окружение. Неплохо зная, мы тотчас же познакомились с ведущими нонконформистами -- так в Советском Союзе называли мастеров, отвергнутых Союзом художников. Они образовали тесный круг и в своей профессии были по-настоящему инакомыслящими. Для них западные журналисты и дипломаты выступали и отдушиной, и дополнительным источником дохода. Будучи финским дипломатом, я с осторожностью относился к настроенным по-боевому диссидентам. Помню свое изумление, когда норвежский коллега с гордостью показал мне лежащие у него буквально «под рукой» в посольстве Норвегии материалы. Его шкаф был забит только что вышедшими (в 1973 году) на русском экземплярами «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, которые он, по-видимому, раздавал в городе. Однако я понимал, что подобная деятельность была бы не в интересах Финляндии. Мы не знали тогда, что шведский корреспондент Стиг Фредриксон был одним из основных контактных лиц

Солженицына³. Мы с ним тесно общались и вместе покупали работы художников-нонконформистов, однако Стиг ни разу и ни словом не обмолвился о Солженицыне.

Знакомство с художниками было полезным и интересным, так как очень многих людей искусства советский строй отторгал, да они и сами были далеки от него, ведя скромное существование вне политики и оставаясь в душе независимыми. Вряд ли кто-то из них голосовал на так называемых «выборах». Многие зарабатывали на жизнь физическим трудом, если не удавалось продать работы иностранцам и редким русским коллекционерам. Одним из таких местных коллекционеров был пианист Святослав Рихтер. Он жил в центре Москвы в построенном для советской элиты доме из желтого кирпича, неподалеку от Пионерских или, как они теперь снова называются, Патриарших прудов. В его просторную квартиру мы ходили смотреть выставку Дмитрия Краснопевцева в 1974 году. Даже для молодого и начинающего чиновника тогдашние цены не казались «заоблачными», и мы многое купили, в том числе художественно ценные работы, которые и сегодня нас впечатляют.

Чета Халлама

Я обрадовался, когда заметил в 2008 году в Москве выставку Оскара Рабина в Третьяковской галерее, приуроченную к его 80-летию юбилею. С Рабиным обошлись ужасно: его сын умер при невыясненных обстоятельствах и, в конце концов, художника изгнали из страны в 1978 году. Рабин и его супруга, художница Валентина Кропивницкая, обосновались в Париже и получили французское гражданство. Мы хорошо знали их, в свое время приобретая работы обоих. Рабин был одним из главных нонконформистов, и его маленькая тесная кухонька была известным местом сбора художников. Я очень обрадовался, когда в Третьяковке увидел картину, бывшую, по всей вероятности, той же самой работой (или ее вариантом), которую Анита Халлама купила у мастера осенью 1975 года. Правда, Яакко Халлама тогда вернул картину автору, а Анита выбрала взамен натюрморт «Водка и селедка», который сейчас находится у их сына. Появление Аниты у Оскара Рабина не было случайным. Я сам привез ее туда на своем оранжевом «Вольво», чтобы обеспечить собственный тыл, что, конечно же, понял и Яакко Халлама, и что, без сомнения, ускорило мой отъезд из Москвы.

Когда Халлама в 1974 году был вторично назначен послом Финляндии в Москве, он уже был инвалидом. После перенесенной операции на мозге его речевая способность была ограничена. Вспоминается задним числом визит рабочей комиссии парламента и вопрос некоего удивленного депутата: «Почему посол так странно говорит?» Правда, тот же депутат, прежде чем зайти в кабинет посла, приложился для храбрости к фляжке, что молодой атташе резко осудил. Как нам теперь известно, Халлама только и думал о том, как бы упрочить свое положение в глазах президента. Между делом он буквально удвоил зарплаты в Москве, за что молодая супружеская чета атташе была ему очень благодарна. Халламу вернули в Финляндию только после смены власти в 1982 году. Он полностью доверял Арто Мансале в подготовке отчетов, но, однако, не удержался от того, чтобы вмешаться в перестановку дипломатических кадров. В упомянутом выше письме Халлама советовал заместителю статс-секретаря Вяанянену отправить меня не в посольство в Лондоне, возглавляемое добродушным Диком Тёттерманом, на что я надеялся, а в Париж -- в «дисциплинарную школу» Ральфа Энkelля. Административный департамент направил меня заместителем генерального консула в Ленинград, что решительным образом повлияло

на мою карьеру. Только в Ленинграде у меня сформировалось представление о Советском Союзе. Это подвигло меня на более глубокое изучение дел в России, и я все еще остаюсь на этом пути.

Мир московских художников, включая так называемых «неофициалов», вовсе не был чужим для супружеской четы Халлама. Портрет Аниты Халлама 1958 года -- одна из лучших работ Ильи Глазунова, что подтвердила его выставка в музее современного искусства Хельсинки «Киасма» осенью 2010 года. Глазунов с удовольствием выступал тогда как художник-диссидент. Он, действительно, был диссидентом, так как его мистико-религиозная тематика была националистической и находилась в противоречии с официальным атеизмом. Это, в свою очередь, впечатляло многих из партийной элиты и обеспечивало Глазунову защиту, а также весомые экономические выгоды. Но в глазах нонконформистов Глазунов был «липовым» диссидентом из-за привилегий, которыми он пользовался.

«Чтобы советские власти не взбесились»

Вопреки тому, что можно было бы предположить, судя по реакции 1975 года, Эрнст Неизвестный не был для Кекконена неизвестным художником. Просто время было другое. Еще в 1965 году УКК получил в подарок от премьер-министра Косыгина гранитную скульптуру «Земля», которая была выставлена на обозрение в зале Тамминиеми, в президентской резиденции. В своем дневнике Кекконен упоминает об участии 18 февраля 1966 года в открытии Музея современного искусства Тампере, на которое им была одолжена «полученная в подарок от правительства СССР статуя Неизвестного “Земля”»⁴. В ходатайстве Неизвестного, заклеенном как «пропагандистское письмо», Кекконену делался намек на этот подарок и полученную от него письменную благодарность⁵.

Интерес УКК к творчеству Неизвестного был неподдельным. Кекконен наставлял в ноябре 1965 года посла Йорму Ванамо найти деликатный подход к художнику в тех выражениях, в которых запечатлен сам метод внешней политики Финляндии: «...прошу тебя разузнать, можно ли приобрести у Неизвестного какую-нибудь скульптуру и, по возможности, какую-нибудь графическую работу. Дело, конечно, нужно устроить таким образом -- не мне тебе говорить, -- чтобы советские власти из-за этого не взбесились. Но их согласия, видимо, и не потребуется»⁶.

В 1968 году Неизвестный обратился к президенту Кекконену при посредничестве своего друга, корреспондента газеты «Uusi Suomi» Яакко Кауринкоски и посольства. Он хотел подарить УКК иллюстрации, сделанные к новому изданию «Преступления и наказания» Достоевского. Посольство не нашло в Москве надлежащего качества «белых картонных папок, чтобы собрать вышеупомянутые рисунки прилично, представительно и целиком», и попросило помощи у департамента печати Министерства иностранных дел⁷. В той же переписке посольство передает пожелание Неизвестного организовать персональную выставку в Хельсинки: «Неизвестный позволил себе напомнить высказанную Президентом Республики идею об организации выставки его работ в Финляндии». На полях письма есть пометка: «ГПР [Господин Президент Республики], 23.06.68. На данном этапе нет времени принять, к сожалению». Советник Аарно Кархило сделал карандашом приписку, что Неизвестному сообщено о том, что он может передать «через Кауринкоски в посольство подарок, который будет отправлен в Финляндию Президенту Республики»⁸.

Неизвестный

Наши отношения с Неизвестным начались поздно, в мой последний год пребывания в Москве -- в 1975-м. Его ателье на Проспекте Мира, дом 41, корпус 4, на заднем дворе, представляло собой ветхую мастерскую, однако, это были «не окраина и не трущоба -- всего восемь минут от Кремля», как Неизвестный с удовольствием подчеркивал . Туда приходили все: видные лица от коммунистической партии Италии, голландская принцесса, сенатор Роберт Кеннеди, французский премьер-министр Эдгар Фор, несчетное число дипломатов. Сотрудники отдела культуры Центрального комитета КПСС посоветовали Неизвестному на расспросы гостей отвечать, что это помещение временное и что он вскоре получит новое ателье, которое он, разумеется, никогда так и не получил¹⁰ .

Неизвестный был легендой и символом бесстрашия, так как все знали о его стычке с Хрущевым в московском Манеже на выставке в декабре 1962-го. «Оттепель» завершилась разочарованием советского руководства в исходе Кубинского ракетного кризиса, и художники почувствовали это на себе в Манеже месяц спустя. Событие документировано, и теперь в архиве ЦК КПСС можно найти документ, дословно передающий полемику первого секретаря ЦК КПСС со скульптором¹¹ . Там присутствовало все Политбюро, что во времена Хрущева было привычным делом. Версии разнятся, но, по-видимому, неуступчивость Неизвестного импонировала Хрущеву. Ссылаясь на фамилию художника, Хрущев резко заметил, что его никто не знает, поскольку он -- «неизвестный». Заместитель председателя правительства и бывший глава КГБ Александр Шелепин кричал угрожающе, что сделает Неизвестного «невъездным» и отправит на лесоповал. Кайсе и мне Неизвестный рассказывал , что на вопрос Хрущева, откуда он взял на памятник бронзу, которая была дефицитом, ответил: «Украл, как и все». На самом деле, согласно записке ЦК КПСС, Неизвестный отрицал акт воровства и утверждал, что «медь» валяется по всем углам¹² .

Самоуверенный Неизвестный отличался от других художников. Помимо художественного образования, он изучал философию в Московском университете и увлекался литературным творчеством. Мы встречали в его ателье, среди других, его друга и ровесника философа Александра Зиновьева, ставшего известным благодаря опубликованному на Западе произведению, бичующему Советский Союз -- «Зияющие высоты»¹³ . Но, как и многие другие, Зиновьев не нашел своего места в эмиграции. В конце концов, он обвинил Запад в развале СССР.

Мы приобрели у Неизвестного ряд работ, в том числе и упомянутые иллюстрации к «Преступлению и наказанию» Достоевского. Он также оказался единственным художником, которому мы помогли. Мы получили от него в подарок бронзовое распятие, под которым крестили наших детей и внуков.

«Ленинград -- жестокий город»

Накануне нашего переезда в Ленинград на рубеже 1975--1976 годов Неизвестный подарил нам собственноручно и дружески подписанный оттиск работы, которую он сделал для Нобелевского комитета, предупредив: «Ленинград -- жестокий город». Мы не успели еще обустроиться в Ленинграде, когда узнали о том, что единственный знакомый нам еще по Москве ленинградский художник Евгений Рухин был убит во время поджога его

мастерской¹⁴. Кайса была на похоронах, я же не смог присутствовать из-за визита какого-то министра. Я обрадовался, когда во время работы послом нашел работы Рухина в собрании Третьяковки.

В Ленинграде я вынужден был сразу взяться за конкретную работу и общаться со всеми по-русски. Генеральный консул Антти Карппинен, который был по образованию славист и говорил по-русски с детства, тем не менее, заставлял меня переводить. И мне пришлось учиться. В реалиях Ленинграда, самого большого провинциального города в мире, бойкая дипломатическая жизнь Москвы ощущалась как очень далекая. Иностранцев почти не было, но туристов было много. Обстановка была совершенно другой, о чем Неизвестный совершенно обоснованно предупреждал.

В ответственность вице-консула входила, помимо прочего, забота о финских студентах. Их в городе было свыше двухсот. По моей осторожной оценке, примерно 80 процентов из них входили в [финское] Ленинградское академическое общество социалистов (ЛАСС)¹⁵, так что проблем у меня хватало. То было время, когда редакция новостей финской государственной радиокompании (или же редакция развлекательных программ), выпускала программу под названием «Четверть часа у соседа», в которой на полном серьезе восторгались социальной защитой в СССР и другими достижениями советского строя.

Мне особенно запомнился некий финский студент-историк, который написал работу о Кимасозерском сражении. Я, разумеется, понимал, в чем дело, однако, не удержался от замечания, что это была очень важная битва, потому что там младший брат Урхо Кекконена, кадровый офицер капитан Юсси Кекконен потерял зрение. Бедный малый вряд ли даже осознавал мою язвительность; ведь перед ним поставили задачу еще раз рассказать о героическом подвиге финского красного командира Тойво Антикайнена у Ребол на Кимасозере в советской Карелии в январе 1922 года. Эта история была еще в 1937 году отображена в фильме «За Советскую Родину». Антикайнен избежал сталинской «чистки» в тот роковой год благодаря тому, что сидел за решеткой в Финляндии. Зато я говорил о сражениях июля 1941 года, во время которых командир части Юсси Кекконен и был ранен. Одна из самых сложных переводческих задач выпала на мою долю на Сайменском канале. Глава социалистов Демократического союза народа Финляндии и член правления Банка Финляндии Эле Алениус оказался «бельмом на глазу» для влиятельного второго секретаря Ленинградского обкома партии. Эле все знали как трезвенника, о чем были прекрасно осведомлены и русские. Поэтому советский партийный руководитель назойливо пытался заставить его выпить за дружбу наших народов. Тот уклонялся, а вице-консул потел и переводил. Эле не отступил от своих правил, и ситуация в конечном итоге разрядилось благодаря его решительному спокойствию. В результате удивленный партийный секретарь спросил меня потом немного смущенно, не перегнул ли он палку. Насколько мне помнится, я ответил, что в Финляндии есть и такие, кто не пьет.

Брутальный шарм Советского Союза

Мой учитель и друг Кейо Корхонен рассказывал о визите генерального консула в Ленинграде Арво Рюткёнена, излившего ему душу. Год был, очевидно, 1972-й или 1973-й. Рюткёнен характеризовал советскую действительность как «систему, которая основана на лжи и насилии». Я это хорошо запомнил, именно так оно и было, однако в то время в Финляндии подобное наблюдение следовало делать лично, потому что, как мастерски

подмечает Тимо Вихавайнен, «ведь тогда умение зарыть голову в песок стало символическим проявлением веры»¹⁶. Остается загадкой, где именно в 1970-е годы было утеряно понимание финнами России. Брутальный шарм Советского Союза, очевидно, сделал свое дело. Сила великой державы пленяла, но, в то же время, ослепляла и лишала смелости иметь собственное мнение.

Роман Яри Терво «Крот» не рекомендую читать человеку, у которого нет диплома в области политической истории. Потому что иначе придется задуматься, как в субботу у телевизора, где факты, а где фикция¹⁷. Мне особенно нравится в манере Терво то, как он подчеркивает роль заместителя статс-секретаря Кейо Корхонена в руководстве внешней политикой в последний период правления Кекконена. «Мне надо сейчас поспешить поставить на восточной границе одну длинную-предлинную сложную фразу», -- говорит его Корхонен¹⁸. Советский Союз был невероятным вызовом; не всем повезло, как и не все устояли на узком пути. Вспоминаю свою досаду в ситуации, когда одни любили, а другие ненавидели Советский Союз. Нам нужно было работать между этих двух огней, причем работать успешно. Я с тех времен часто размышлял о том, насколько проще было бы общение с Россией и русскими, если бы у нас было больше людей, которые знают Россию и хоть немного говорят по-русски.

Как Алиса в Стране чудес

Ни будучи студентом русского языка в Ленинграде, ни работая атташе или вице-консулом, я не был способен постичь Советский Союз. Теперь задним числом кажется, что я тогда, подобно Алисе, попал в кроличью нору. Я следовал за интересными людьми, как, например, за идущими своим собственным путем художниками, и очутился в совершенно непознанном, необъяснимом мире, о котором, как я понимал, в Финляндии 1970-х годов знали совсем мало.

Больше половины населения Ленинграда жило в коммуналках, старых каменных домах с большими квартирами, где целые семьи ютились в одной комнате и где сообща делили кухню и единственный туалет. Приводить иностранцев в коммуналки строго запрещалось, что, впрочем, не помешало нам увидеть самые разноплановые коммунальные квартиры. Анатолий Чубайс на десять лет моложе меня. Из его биографии следует, что он и его жена жили в нескольких шагах от квартиры вице-консула Финляндии. Когда его жене пришел срок рожать, молодая пара пешком отправилась от улицы Фурштатской до улицы Чернышевского в роддом, который был в соседнем с нами доме. Чубайсы жили в коммуналке в одной комнате, площадь которой составляла 14 квадратных метров; правда, высота потолков была четыре метра. Их совместная ежемесячная зарплата составляла 190 рублей. Самой большой проблемой для возглавляемых Чубайсом молодых экономистов был поиск места, где можно было бы обдумывать, не попадаясь на глаза властям, запрещенные дела, а именно реформу советской экономики, так как никто из них не имел собственной квартиры. Как считали Чубайс и его московский друг Егор Гайдар, это хобби либо доведет до лагерей, либо приведет в правительство.

Крупнейшее финское издательство «WSOY» в 2009 году по моей инициативе перевело написанную в России биографию Чубайса¹⁹. На ее презентации я смог рассказать Анатолию Борисовичу, что лишь несколькими годами раньше семья молодого вице-консула Финляндии жила в том же районе в «золотой клетке» -- квартире площадью свыше 200

квадратных метров с русской домработницей и финской няней. По подсчетам Кайсы, мы тратили примерно 1000 рублей в месяц только на покупку продуктов, преимущественно на колхозном рынке. Теперь мы знаем, что годы нашего пребывания в Москве и Ленинграде, с 1973-го по 1977-й, были «золотым временем» Леонида Брежнева. Уровень жизни и продуктовое снабжение улучшились. Но за этим последовало неизбежное скольжение к застою. Андрей Амальрик в опубликованном в 1969 году эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»²⁰ ошибся, в конце концов, совсем ненамного. Я заказал изданное в Париже эссе через финский Академический книжный магазин и прочитал его в Москве в 1973 году. Не припомню, чтобы я тогда встречал кого-либо, кто серьезно бы отнесся к предсказанию Амальрика.

Левые и правые

Картина с советскими диссидентами и нонконформистами позднее прояснилась. Архивы, за исключением архивов КГБ, стали более или менее доступными, и в России опубликовали огромное количество мемуаров и документов. Подавляющее большинство интеллектуалов, которые ощущали себя диссидентами, тем не менее, одобряли советскую систему и логику «холодной войны». Они жили в информационном вакууме и гордились своей «советской идентичностью». После смерти Сталина они возлагали надежды на хрущевскую «оттепель», которая, в конечном счете, продлилась недолго. В течение десятилетий вера в социализм и незыблемость системы, однако, истлела. Гнет советской действительности лишил веры в преобразование общества и его демократизацию. Михаил Горбачев понял это, вероятно, только в августе 1991 года.

В книге «Дети Живаго: последняя русская интеллигенция», которую написал русский историк Владислав Зубок, переехавший в Соединенные Штаты Америки сразу после развала СССР, предлагается богатая картина послесталинской эпохи²¹. Он условно делит инакомыслящих на «левых» и «правых». «Левые», возглавляемые Андреем Сахаровым, осуждали нарушение прав человека, в то время как «правые» под руководством Александра Солженицына переживали за гибель русского народа. В современной России говорят о либералах и консерваторах. В царские времена разделение шло на западников и славянофилов.

Первая мировая война была исходной катастрофой (Urkatastrophe) Европы XX века, но для России такой катастрофой стала принудительная коллективизация, от которой российская деревня так и не оправилась. Хрущев окончательно сломал хребет селу, и получил на годы вторую большую волну переселения в города. Колхозники были привязаны к земле, подобно крепостным крестьянам, до тех пор, пока им с конца 1950-х годов вместо справки не стали выдавать внутренние паспорта. Только паспорт позволял колхознику покинуть колхоз. Паспортизация села завершилась в 1970-х годах.

Согласно Зубку, «оттепель» принесла с собой состязание повествований о том, что случилось в России. Однако обработка новейшей истории России все еще не закончена, даже спустя двадцать лет после развала Советского Союза. Зубок прекрасно описывает внутренние борения сторонника Солженицына и главного редактора журнала «Новый мир» Александра Твардовского. «Новый мир» сломал партийную монополию в определении того, что такое хорошая литература. Это укрепило моральный авторитет интеллигенции.

Монументальный труд Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»²², который повествует о бедственном положении евреев, оказавшихся между нацистами и большевиками, произвел на Твардовского глубокое впечатление. В своем дневнике он, однако, признается, что расставленные Гроссманом акценты ему чужды. Для Твардовского главной темой была трагедия русской революции и уничтожения русского крестьянина, а не судьба евреев во Второй мировой войне. Твардовский и Солженицын косо смотрели на космополитическую интеллигенцию, которая, по их мнению, равнодушно относилась к крестьянству и к традиционной русской культуре²³.

Дореволюционная, как и эмигрантская, литература подпитывали антисемитизм в Советском Союзе. Одновременно подчеркивалось преобладание евреев в большевистском руководстве. «Заговор (еврейских) врачей» 1952 года чуть не привел к кровопролитию, которое предотвратила только смерть Сталина 5 марта 1953 года. В Советском Союзе повседневная дискриминация была фактом. Запрет на занятие официальных должностей и неофициальные квоты для университетов дискриминировали евреев. Пятый пункт типовой советской анкеты -- «национальность» -- был поводом для горьких шуток. «Пятый пункт? Ответ утвердительный!», то есть в анкете человека читали «еврей». Это была, так называемая «пятая группа инвалидности».

Судьба Неизвестного

Неизвестному 86 лет и он живет в Нью-Йорке и Москве. Я виделся с ним два раза после того, как он в 1976 году эмигрировал сначала в Женеву, а затем в Нью-Йорк. Я был у моего друга Пентти Коури в Гринвиче, штат Коннектикут, где-то в конце 1980-х годов. Пентти был уже тогда выдающимся коллекционером искусства и меценатом. В парке его великолепной усадьбы стояли большие скульптуры, в том числе, работы Генри Мура. Гостями Пентти была группа художников, среди которых оказался также Эрнст Неизвестный, который признался хозяину в своих мечтах. Мне удалось расслышать решающую фразу: «I want to be rich!». В следующий раз я встретил Неизвестного уже в Москве в середине 1990-х, в одной галерее, где проводилась выставка его работ.

Многие диссиденты и нонконформисты, хотя отнюдь не все, были евреями по происхождению. Отец Эрнста Иосифовича Неизвестного -- Иосиф Моисеевич Неизвестный -- был врачом, а мать -- Белла Абрамовна Дижур -- известной поэтессой, и оба были еврейского происхождения. Неизвестный говорит в письме Кекконену, что для получения разрешения на выезд в Израиль власти требуют еще и развода: согласия, предоставленного его женой, им недостаточно. К нему, впрочем, не были так благосклонны, как к Ростроповичу, которому позволили сохранить советский паспорт, отобрав его через четыре года после отъезда.

Символика творчества Неизвестного подчеркнута христианская. Он семнадцатилетним юношей пошел добровольцем на фронт и, будучи офицером, получил тяжелое ранение. Так что его история была рядовой. Все время, пока он довольствовался своим положением на грани официоза и неофициоза, его терпели и им тайно восхищались. Однако когда его собственное терпение лопнуло, и он обратился за разрешением на выезд из страны, он переступил границу дозволенного и был унижен напоминанием о «пятом пункте» в паспорте.

Принятая в 1974 году Конгрессом США поправка Джексона -- Вэника является пережитком тех времен. Она ставит условием предоставления торговых преференций право на свободную эмиграцию. Поправка все еще действует и является одним из камней преткновения для вступления России в ВТО. Правда, между Россией и Израилем в настоящее время установлен безвизовый режим, и выезд из страны больше не является проблемой. Все, лишившиеся своего советского гражданства, могут, если того пожелают, получить российский паспорт, если у них нет гражданства какой-нибудь другой бывшей республики Советского Союза.

---

1. Архив Урхо Кекконена 1/81, 1975.
2. Неизвестный Э. Говорит Неизвестный. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. С. 24--27.
3. Fredrikson S. Alexanders kurir: ett journalistliv i skuggan av det kalla kriget. Stockholm: Carlsson, 2003.
4. Suomi J. (Toim.). Urho Kekkonen päiväkirjat II, 1963--1968. Helsinki: Otava, 2002. S. 252.
5. Неизвестный Э. Указ. соч. С. 88. Номер благодарственного письма Кекконена Неизвестному указан в журнале входящих и исходящих документов, но само письмо в архиве канцелярии президента не сохранилось.
6. Письмо президента Кекконена послу Ванамо, 9 ноября 1965 года.
7. Посольство Финляндии в Москве, № 1635, 19 июля 1968 года, Антти Карппинен.
8. Посольство Финляндии в Москве, памятная записка, 21 июня 1968 года, Аарно Кархило.
9. Неизвестный Э. Указ. соч. С. 70.
10. Там же. С. 107.
11. См. высказывания Хрущева, сделанные в ходе посещения выставки 1 декабря 1962 года: Источник. 2003. № 6. С. 159.
12. Неизвестный Э. Указ. соч. С. 164--165.
13. Зиновьев А. Зияющие высоты. Geneve: l'Age d'Homme, 1976.
14. См.: McPhee J. Venäläisen taiteen lunnaat. Helsinki: Otava, 1996.
15. Они представляли крайних коммунистов того времени, именуемых в Финляндии сталинистами.
16. Vihavainen T. Itäraja häviää. Helsinki: Otava, 2011.
17. Имеется в виду транслируемая по финскому телевидению политическая сатирическая программа, в которой сначала делаются некие утверждения, а потом задается вопрос, являются ли они фактами или фикцией.
18. Tervo J. Muurä. Helsinki: WSOY, 2004. S. 40.
19. Колесников А. Анатолий Чубайс: биография. М.: АСТ, 2008.
20. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам: Фонд имени Герцена, 1969.
21. Zubok V. Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia. Cambridge, Mass. and London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009.
22. Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1988.
23. Zubok V. Op. cit. P. 247.